

Применимость континентального принципа добросовестности к заверениям об обстоятельствах

Научный руководитель – Абросимова Елена Антоновна

Соскиева Арина Аркадьевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия
E-mail: soskieva_arina@mail.ru

В 2015 году в российское гражданское право в рамках ст. 431.2 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту - ГК РФ) был имплементирован английский институт заверений об обстоятельствах. Появление в российском правовом порядке таких утверждений о фактах, имеющих значение для сделки, позволяющих справедливо распределить риски между сторонами сделки и избавляющих от бремени дорогостоящих проверок due diligence оказалось очень кстати.

Однако уже более 7 лет в научном юридическом сообществе высказывается мнение о несовершенной законодательной формулировке института заверений. applewebdata://83ADE0DC-DA89-471F-98EF-82FBA331A80A#_ftn1 Такая ситуация может нивелировать значение заверений об обстоятельствах как удобного автономного средства правовой защиты участника делового оборота в условиях асимметрии информации. Постановление пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» дало некие ориентиры в успешном развитии института заверений об обстоятельствах. В частности, суд указал, что «лицо, предоставившее заведомо недостоверное заверение, не может в обоснование освобождения от ответственности ссылаться на то, что полагавшаяся на заверение сторона договора являлась неосмотрительной и сама не выявила его достоверность».

Тем не менее в литературе встречается мнение о том, что «полностью освобождать участников оборота от проверки неправильно и в конкретных спорах должны применяться стандарты проверки информации, принятые для данной ситуации». applewebdata://83ADE0DC-DA89-471F-98EF-82FBA331A80A#_ftn2 Позволим себе не согласиться и с этой точкой зрения, так как тем самым нарушается важнейшая функция заверений - побуждение контрагента к заключению договора. Кроме того, поскольку в силу рискованного характера деятельности законодательно закреплена безвиновная ответственность предпринимателей и в части заверений, то почему бы, предоставляя привлекательные меры защиты по статье 431.2 ГК РФ, не освободить обычных потребителей, как слабую сторону в условиях асимметрии информации от тщательной проверки сведений о контрагенте, раз им были даны заверения, которые и побудили к заключению соглашения.

Как известно, на родине института заверений об обстоятельствах - Англии общий принцип добросовестности законодательно не закреплён. applewebdata://83ADE0DC-DA89-471F-98EF-82FBA331A80A#_ftn3 Представляется, успешность механизма заверений об обстоятельствах в Англии обусловлена в том числе тем, что ввиду действующего в данном правовом порядке принципа caveat emptor (пусть покупатель остерегается) и отсутствия законодательно закреплённого общего принципа добросовестности, известного странам гражданского права и кодифицированного во многих международных актах, регулирующих договорные обязательства, использование такого инструмента как representations стимулирует добросовестное поведение контрагентов, то есть в таком побуждении участников оборота существует потребность.

Примечательно, что при разрешении споров относительно того, что заверяемый не полагался на заверение, европейские суды обычно сталкиваются с дилеммой, какому принципу отдать предпочтение при разрешении спора - принципу *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться «как написано») или принципу добросовестности.[applewebdata://83ADE0DC-DA89-471F-98EF-82FBA331A80A#_ftn4](#)

Интересен вопрос о характере требования в рамках статьи 431.2 ГК РФ полагаться на заверения об обстоятельствах.

Вопрос о толковании понятия «знания» о фактах в момент предоставления заверений является одним из самых сложных не только в российской практике, но и в международной». [applewebdata://83ADE0DC-DA89-471F-98EF-82FBA331A80A#_ftn5](#) Также отмечается, что исходя из скудной российской судебной практики тяжело оценить знание о риске недостоверности заверения, а практика вмененного судом знания только осложняет вопрос о должной осмотрительности контрагентов. [applewebdata://83ADE0DC-DA89-471F-98EF-82FBA331A80A#_ftn6](#)

Стоит признать, что вопрос о добросовестности в свете заверений об обстоятельствах один из самых сложных и неисследованных вопросов на данном этапе развития российской цивилистики. Вопросы смягчения ответственности заверяющего лица с позиций теории субъективной добросовестности И.Б. Новицкого, особенно в предпринимательских отношениях, полагаем, следует отнести к компетенции судебного толкования. [applewebdata://83ADE0DC-DA89-471F-98EF-82FBA331A80A#_ftn7](#) По аналогии с английским правом (*innocent misrepresentation* - невиновное предоставление недостоверных заверений), при котором допускается аннулирование договора, но права на взыскание убытков не возникает; оптимально было бы и в отечественной правовой парадигме предусмотреть смягчение ответственности предпринимателей. В компетенции Пленума Верховного Суда РФ издать постановление с рекомендациями о взыскании с предпринимателей, предоставивших недостоверные заверения, в случаях когда они субъективно невиновны (т.е. не знали или не могли знать о существенных фактах относительно сделки) либо только реального ущерба, либо упущенной выгоды на усмотрение суда по фактическим обстоятельствам дела.

Доказанная обоснованность появления в российском праве такого удобного и эффективного договорного механизма, содействующего соблюдению баланса интересов сторон аналогичного английским *representations&warranties* дают право утверждать, что в целях стабильности делового оборота целесообразнее применять принцип *pacta sunt servanda*, нежели принцип добросовестности, который, как показывает практика, часто нивелирует институт заверений, в виде неудовлетворения судом требований по ст. 431.2 ГК РФ и вводит правоприменительную практику в тупик ввиду неопределенности ориентиров доброй совести.

[applewebdata://83ADE0DC-DA89-471F-98EF-82FBA331A80A#_ftnref1](#) Карапетов А.Г. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ // Закон. 2015. N 6;

Сегалова Е.А.: Введение в заблуждение, обман, недостоверные заверения об обстоятельствах по праву России и Англии // «Законодательство». 2017. №2.;

Новак Д.В. Институт заверений об обстоятельствах в ст. 431.2 ГК РФ // О договорах: Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского / Сост. С.В. Сарбаш. М.: Статут, 2017.

[applewebdata://83ADE0DC-DA89-471F-98EF-82FBA331A80A#_ftnref2](#) Аладько А.И. Ерофеев Д.В. «Применение норм статьи 431.2 ГК РФ в судебной практике» // «Нотариальный вестник». 2022. №3.

[applewebdata://83ADE0DC-DA89-471F-98EF-82FBA331A80A#_ftnref3](#) Гришина Я.С., Борисова Л.В. Принцип добросовестности в реализации и защите субъективных граждан-

ских прав сторон договора в Англии и России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. №47. С.45-65.

[applewebdata://83ADE0DC-DA89-471F-98EF-82FBA331A80A#_ftnref4](#) Манджиев А.Д., Мартянова Т.С. «Заверения об обстоятельствах»: насколько важно полагаться на них? // «Закон». 2022. №5.

[applewebdata://83ADE0DC-DA89-471F-98EF-82FBA331A80A#_ftnref5](#)

[applewebdata://83ADE0DC-DA89-471F-98EF-82FBA331A80A#_ftnref7](#) Новицкий И.Б. «Принцип доброй совести в проекте обязательственного права» // «Вестник гражданского права». 2006. №1. (печатается по «Вестник гражданского права». 1916. №6,7,8). С.124-181.